

znakoch, napr. popri slove ako základnom a univerzálnom jazykovom znaku, nie je s nimi rovnocenná a plnohodnotná, hoci inak vzťah medzi označujúcou grafémou a označovanou fonémou je tiež arbitrárny a súčasne relatívne presne určený a závažný, hoci sa ním odzrkadľujú dve rozličné jazykové podoby – písaná a hovorená. Preto informácie o inventári grafém a foném, ktoré sa používajú v tom-ktorom jazyku, poskytuje abeceda, v ktorej sú jednotlivé písmená zoradené do závažného poradia, hoci inak ono nie je motivované ani tvarovými, ani žiadnymi inými lingvistickými kritériami.

Po týchto stručne zrekapitulovaných recenzných úvahách nasleduje v knihe jej stručný záver a po ňom zoznam použitých autorkou symbolov a transkripčných znakov, zoznam literatúry, ruské resumé, vedecko-pedagogický životopis autorky, ktorý spracovala doc. PhDr. Ela Sekaninová, DrSc., a nakoniec súpis jej prác za roky 1958-1998, pretože ide o vydanie tohto druhu titulu v edícii venovanej jubilantom.

Uzatvárajúc svoju stručnú recenziu publikácie prof. PhDr. Ľudmily Benedikovej, CSc., *Štruktúra a informačné parametre ruskej a slovenskej grafiky*, dodávame, že je to prínosná, aktuálna a potrebná publikácia, ktorá rovnako poslúži tak bádateľom v oblasti zvukovej jazykovej roviny ruského a slovenského jazyka, ako aj ošozná vysokoškolská príručka pre študentov rusistiky, slovistiky a slavistiky a ich učiteľom.

Michal Mikluš

Литература и антропология

Данилевский, Р. Ю.: Пушкин и Гете. Сравнительное исследование. «Наука», Санкт-Петербург 1999.

Памяти своего сына, театрального режиссера и педагога Вадима посвящает русский германист-литературовед проф. Р. Ю. Данилевский свою книгу сравнительных исследований на тему, которую он сам охарактеризовал в первом предложении своей монографии как «дорогу исхоженную». Тем не менее, его книга основана на методе, который отличается от предшественников (М. Wegner, В. Розов, В. Аветисян, R.-D Keil, В. Жирмунский и др.). Несмотря на неравноправные отношения обоих поэтов, прозаиков и драматургов (Пушкин читал Гете и задумывался над его творчеством, Гете знал о Пушкине, но нельзя говорить о его восприятии), он старается понимать их творчество в процессе взаимного генетического и типологического проникновения и переплетения. В семи главах он ищет их близость и отличия (Миссия гения, Преобразование традиций, Становление индивидуального стиля, Пушкинский Гете и проблемы историзма, Бог, Судьба, человек, Два Фауста?, Мир прозы Пушкина и Гете).

Автор исходит из сверхвременного значения творчества обоих писателей, опираясь на две цитаты (Вячеслава Иванова и Юрия Лотмана). Судьбой обоих было стать завершением одного этапа развития национальной литературы и началом нового. У обоих были некоторые общие истоки, прежде всего Просвещение, культ человека и открытие отрицательной стороны так называемого прогресса (последствия Французской Революции). На мой взгляд автор уделяет здесь срав-

нительно мало внимания специфической парадигме развития русской литературы. Кроме индивидуальных и всеевропейских контекстов времени нельзя не учитывать внутреннюю эволюцию национальной литературы, как она выражена, например, в концепции В. Кожина или у других исследователей (см. В. Кожин: К социологии русской литературы XVIII-XIX веков. К проблеме литературных направлений. In: Литература и социология, Москва 1977, с. 137-177; I. Pospíšil: Paradoxes of Genre Evolution: the 19th-Century Russian Novel. Zagadnienia rodzajów literackich, XLII, z. 1-2, 1999, s. 25-47; I. Pospíšil: О некоторых специфических чертах развития русской литературы. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, Slavica Litteraria, X 3, 2000, s. 28-41).

Более успешным разделом рецензируемой работы является анализ «преобразования традиций», главным образом французской и частично и английской литератур. Гете и Пушкин стремились, как общеизвестно, к определенной модели синтеза (и этому служил, между прочим, и жанр романа): «Антропология Пушкина, его изображение человека предполагает сочетание внешнего действия с погружением читателя во внутренний мир данной конкретной личности.» (с. 84). С этим связана и глава, анализирующая становление индивидуального стиля (прозаизация как проявление ломки поэтических и жанровых традиций и отражение повседневной жизни). Проблема пушкинского историзма связана, на наш взгляд, более с общим стремлением русских писателей вырваться за пределы эстетического в сферу этики, истории, философии и политики (см. литературные судьбы самого Пушкина, Достоевского, Толстого, Солженицына и др.). Тема Бога, Судьбы и человека заслуживает больше внимания и более глубокого анализа, чем в соответствующей главе книги. Проблеме «Фауста» Гете и пушкинской «Сцены из Фауста» посвящается особое исследование: «Фауст у Гете ошибся в своих планах: власть и собственность оказались дьявольским обманом и не принесли ему ничего, а для тех, кого он хотел облагодетельствовать, они обернулись разорением и смертью.» (с. 206). По Д. Мережковскому поэзия Пушкина в целом является обломками безвременно погибшего мира, хотя никто сейчас не может сказать, как автор предстал себе дальнейшую судьбу героя своей «Сцены из Фауста.» (с. 216).

Finis coronat opus – настоящей вершиной книжки является исследование о прозе обоих авторов, которая постепенно превращается в поиски приемов, которые привели бы к краткости а лаконичности. В заключительной части исследования автор приходит к выводу, что «оба поэта освободили свои литературы от устаревших эстетических канонов и открыли для словесности бесконечный путь развития, познакомив ее со свободой – свободой выбора тем и образов, обращения с материалом слова, фразы, стиха, жанра.» (с. 273). Кроме того, у обоих наблюдается тяготение к литературе как орудию познания человека... Тем не менее, следовало бы более тщательно проследить продолжение художественного пути обоих мастеров слова: трудно сказать, насколько для немецкой литературы было творчество Гете столь значительным с поэтологической точки зрения; скорее это символ национальной немецкой культуры и ее способностей, стремление, чтобы немецкая литература впитала в себя все доминантные европейские традиции

и чтобы она имела всечеловеческое значение (*Italienische Reise*). С этой точки зрения функция Гете в Германии близка в России скорее к деятельности Н. М. Карамзина.

Тема настоящего исследования имеет, однако, и свои другие, подспудные течения: отношения Пушкина и Гете укладываются не только в систему двусторонних связей, скорее они образуют сеть многосторонних генетических контактов и типологических аналогий. Исследуя тему Пушкин-Гете нельзя упускать из виду весь контекст внутри национальной литературы и на ее грани, т. е. функцию отдельных авторов в их естественной национальной среде и их функционирование в европейском и всемирном контексте как явлений межлитературных. Таким образом, составной частью исследования такого типа может стать и какая-то компаративистская футурология, т. е. проекция «общих мест» и отличительных черт в будущем национальной литературы и их способность более общего воздействия, не говоря о возможности их интертекстуального изучения. Несмотря на высказанные критические и дополнительные замечки, которые, однако, не касаются коренных тем произведения, работа Р. Данилевского относится к числу полезных, тщательных, до определенной степени оригинальных и свежих исследований.

Ivo Pospíšil

О снѣнѣ в ѣivotѣ lidskѣm

Červeňák, A.: Dostojevského sny (Eseje a štúdie o snoch a Dostojevskom). Pezínok 1999.

Prof. dr. Andrej Červeňák, DrSc., je současný významný literární vědec a publicista. Jako vysokoškolský učitel přednáší teorii a dějiny ruské literatury na Univerzitě Konštantína Filozofa v Nitre. Je autorem dvanácti samostatných knižních publikací, čtých literárněvědných studií a článků, sestavovatelem a editorem řady sborníků z teorie literatury a literární komparatistiky.

Již několik desetiletí se prof. Červeňák zabývá tvorbou a celkovou osobností **Fjodora Michajloviče Dostojevského**. Tento spisovatel je jedním z nejvýznamnějších představitelů ruského a světového románu a novely. Jeho veškerou literární tvorbu ovlivnily složité životní osudy (despotický otec, nábožensky založená matka, bezduchý a ubljející dril ve vojenské akademii, trest smrti zrušený v momentu popravy, následně vyhnanství, nevléčitelná nemoc).

Prózy Dostojevského jsou pronikavými psychologickými studii, které v širších společenských a sociálních souvislostech nabývají všeobecné platnosti. Jsou jednoznačným vyjádřením obecně lidských mravních apelů, které jsou pro dnešní obrozující se společnost výrazně potřebné. Prozaik se v nich především snaží nalézt odpovědi na závažné filozofické otázky, vytváří a předvádí nový obraz člověka a světa.

A je to právě **člověk**, který zásadním a rozhodujícím způsobem ovlivňuje skutečnost. Není jen jejím „pouhým produktem“, ale smysluplně působí na její změnu.